

Анатолий Никитин

г. Волгодонск

Уже окончилась война

(Из цикла «Дети войны»)

Памяти друга Симонова Павла

ТТ

Тяжёлый ТТ с тремя патронами Пашка прятал под остатками дощатого забора. Когда-то до войны забор окружал длинное кирпичное строение с маленькими оконцами почти под крышей и широкими дверями. Наверно, это были старые конюшни. После отступления фашистов оставшиеся жители разобрали часть здания на кирпичи. Надо было восстанавливать разрушенный городок, и это было оправданно. Однако вскоре заработал кирпичный завод и использовать старый кирпич стало невыгодно. Наполовину разобранный дом пророс бурьяном, пышно зацвёл иван-чай. Теперь здесь любили играть окрестные ребяташки, пока внезапно обвалившаяся перегородка едва не покалечила одного из них. С той поры родители не отпускали сюда своих детей, и развалины стали безраздельно принадлежать Пашке.

Пашка был 12-летним худым пацаном. Его мать умерла в войну, и он долгое время

жил с отцом-инвалидом. После войны отец привёл мачеху, которая, как водится, невзлюбила мальчишку. Честно сказать, было за что. Пашка был вороватый и хитрый. К тому же без конца попадался. Одно время он повадился уносить из читального зала городской библиотеки интересные книги и журналы. После войны лучшие книги издавались в форме мягких журналов, носивших название «Роман-газета». Гремевшие тогда книги «Сын полка», «Белая берёза», «Повесть о настоящем человеке» и другие издавались именно так. Вынести мягкий журнал за поясом под рубашкой было нетрудно. Но после нескольких ходок Пашка засыпался, получил взбучку от отца, а ненависть его мачехи ещё усилилась. Частенько она лишала его еды, стала всё прятать под замок, и голодный пацан добывал себе пропитание воровством. Иногда он просто хватал с прилавка на рынке подходящую пищу и спасался бегством. За что бывал и бит, когда попадался. Таких воришек было много, они сбивались в стайки. Но Пашка имел отца (что было редкостью после кровавой войны), ему завидовали и не любили. Да он и сам не стремился иметь друзей среди сверстников. Он считал себя умнее и старше их. Ведь у него был ТТ.

Пистолет был забыт одним из возвращавшихся из Германии однополчан Пашкиного отца. Весёлый парень, остановившийся по пути домой проведать сослуживца-инвалида, задержался на пару недель, успел хорошо погулять и даже жениться на Пашкиной соседке. Видимо, за хлопотами он забыл своё нетабельное оружие. Мог ли Пашка упустить такой случай? Скажете тоже! Ведь это был серьёзный убийный пистолет, а не какая-нибудь дамская пукалка, каких в годы войны было навалом, хотя и их потом собирали трофейные команды, так что славным пацанам к 47-му году мало что осталось. Хранить ТТ было небезопасно, тем больше было постоянное Пашкино желание ощущать его тяжесть, целиться в воображаемого противника.

Стрелять он не собирался. Ведь патронов у него было только три. Они могли ему

понадобиться для крупного дела, – какого, Пашка не знал, но ведь понадобятся!

На вокзале

Зимой Пашка ходил в школу, перебивался с двойки на тройку, прогуливал. Школу не любил, даже оставался на второй год, но куда денешься зимой?

Другое дело – лето. Летом Пашка либо отсиживался на своём пустыре, либо ходил на вокзал. Иногда ему удавалось что-нибудь стибрить, но всё по мелочи. Время было голодное и скудное, и люди умели беречь последнее. Однажды Пашка увидел, как ребятня продаёт у пассажирских поездов холодную воду. Пятак – стакан. Неподальёку от вокзала под толстым слоем соломы хранились запасы замороженного за зиму льда для вагонов – рефрижераторов. Отколов несколько кусочков льда в ведёрко с водой и вооружившись алюминиевой кружкой, Пашка вышел на тропу торговли. Нехитрое дело оказалось настолько прибыльным, что за день Пашка зарабатывал по несколько рублей, чего в те времена хватало на все скромные Пашкины запросы. Билет в кино стоил всего 10 копеек, и Пашка мог смотреть все фильмы подряд, а то и по несколько раз. Особенно ему нравились «Сталинградская битва» и другие картины про войну; «Тарзан», по которому тогда все сходили с ума, на Пашку впечатления не произвёл.

Однако не всегда на вокзале Пашке светила удача: в пасмурные дни выручки почти не было, и Пашка просто привычно слонялся вдоль вагонов, разглядывал прильнувшие к стёклам лица пассажиров и долго провожал взглядом сигнальные огни уходящих в даль поездов. Самому ему было хорошо и здесь, и он никуда не стремился уезжать.

Лето заканчивалось, маячила школа. В один из августовских дней Пашка стал свидетелем ареста. Двое милиционеров вывели из вагона невысокого полноватого мужчину в дождевике и повели к выходу с перрона. Вскоре отъехал автомобиль, а за-

тем тронулся и поезд. Пашка остался один на влажном асфальте. И вдруг он заметил между шпал яркую папиросную коробку. Из любопытства он спрыгнул на шпалы. В коробке оказался жёлтый, туго скатанный листок бумаги. Пашка зашёл в зал ожидания, уселся на пустую скамью и развернул листок. Это было старое письмо с фронта, написанное неровными буквами. Солдат писал, что передаёт письмо с оказией, без цензуры, из госпиталя, где он лежит с ранением в ногу; выписывается «почти земляк», который едет в отпуск и завезёт письмо. Половину второй страницы занимал странный рисунок, похожий на карту без всяких пояснений. Лишь в одном месте значилось «здесь». В самом конце сообщалось, что всё расскажет тот, кто доставит письмо, и это очень важно.

Пашка хотел выбросить бумажку, но в вокзале шла уборка, и он сунул её в карман. Послonyaвшись ещё с полчаса и проведив очередной эшелон, голодный пацан отправился домой. Там его ждала нахлобучка от отца за украденный из запертого сундука кусок сахара.

Незнакомец

Перед началом учебного года Пашка все дни проводил на перроне. Стояли солнечные дни, пассажиры в вагонах изнывали от жары, и Пашкины дела шли великолепно. В карманах шелестели рублики, в брюхе не урчало – словом, жизнь улыбалась Пашке.

Очередной пассажирский поезд ушёл с перрона, и Пашка расслабился. Он сидел на скамье и жмурился от солнца. По четвёртому пути медленно тянулся грузовой состав. В тамбуре одного из вагонов Пашка заметил знакомую фигуру – упитанный невысокий мужчина с дождевиком через плечо явно выбирал место для прыжка. Вскоре он это сделал и направился прочь от перрона.

«Как же так, – подумал Пашка, – ведь его арестовали полмесяца назад?» Он хотел было рассказать о мужчине милиционеру, но передумал. Милицию он не уважал.

На пустыре

Школьные успехи не радовали, поэтому настроение Пашка поднимал на своём пустыре. Он давно уже соорудил себе конуру в одном из полуразрушенных помещений, замаскировав её обломками кирпичей и щебнем. Здесь он даже ночевал, когда его донимали дома. Сегодня после очередной взбучки он решил переждать, пока гнев отца остынет. Достав из кармана кусок хлеба, он быстро съел его, запив припасённой накануне бутылкой лимонада, и улёгся на мешке, набитом стружкой. Это была довольно удобная постель, и Пашка стал от нечего делать наблюдать через щель за парой воробьёв, прыгающих среди камней. Это было уморительное зрелище. Воробей-кавалер подносил в клювике своей подружке крошки хлеба и всем своим поведением явно приглашал её принять подарок. Когда крошку попытался склевать чужак, он получил такой отпор «кавалера», что больше к паре не приближался. «Дама» хотя вроде не проявила интереса к ухаживанию, бочком-бочком, небрежно и «случайно» приблизилась к крошке и...

Отвлекли Пашку от занимательной картины появившаяся на обломках тень и шорох осёпавшегося щебня. Сквозь свою амбразуру Пашка увидел незнакомца с вокзала. Тот стоял на обломке стены и озирался, явно что-то разыскивая. Дождевик по-прежнему болтался на его плече. Вид у незнакомца был озабоченный, он был чем-то разочарован и тихонько матерился. Потом достал кисет и сделал себе самокрутку. Затянувшись пару раз, незнакомец закашлялся и, оступившись, едва не свалился на Пашкино убежище. Затем, ещё раз осмотревшись, мужчина двинулся дальше, разглядывая развалины. Скоро его шаги затихли, и Пашка решил, что он ушёл.

Появление незнакомца на развалинах заинтриговало Пашку. Но вскоре он забыл обо всём. Голод снова стал беспокоить мальчишку. Он вывернул карманы и

вытряхнул крошки хлеба себе в ладонь. Вместе с крошками выпала грязноватая буmajка. Развернув её, Пашка вспомнил о её содержании и рисунке. На этот раз он более внимательно рассмотрел рисунок и вдруг понял, что на нём изображён его родной городок. И именно на месте его «логова» кем-то написано интригующее «здесь». Хотя Пашка в общем-то не любил читать, но книжки о войне, шпионах, пиратах и кладах всё же почитывал. Поэтому он быстро связал воедино события последнего месяца: арест незнакомца и свою находку на путях, а затем появление арестанта на развалинах. Непонятны были только две вещи: как незнакомцу удалось освободиться и что ему надо на пустыре. Конечно, решил Пашка, дело, скорее всего, связано с кладом или – на худой конец – с другой какой-то тайной. С этой мыслью он свернулся в клубок и уснул.

Осенью

Сентябрь был просто замечательным, и даже школа не портила Пашке настроения. Пустырь по-прежнему оставался его любимым пристанищем. Он забирал спрятанный под забором ТТ, забивался в свой закуток и сквозь щель-амбразуру мысленно отстреливал всё, что видел: камни, метёлки иван-чая, воробьёв, сверкающие осколки стекла. Он чувствовал себя партизаном, бойцом в засаде, и эта игра увлекала его. Дома у него, как всегда, была напряжёнка, и, когда было невмоготу, он оставался в своём убежище ночевать, особенно под воскресенье, когда не надо было утром собираться в школу. Родителей это не беспокоило: с глаз долой – из сердца вон. Вот и в эту субботу прямо из школы, купив ржаных пряников на остатки летних денег, Пашка с пистолетом залёг «в засаду». На этот раз его игра длилась недолго и была прервана звуком неровных шагов. Пашка затаился, он опасался чужаков, да и за ТТ мог быть строгий спрос.

Двое мужчин, один из них давешний незнакомец, вооружённые длинными метал-

лическими прутьями, прощупывали ими кучи щебня и кирпича. Дело было безнадежное, прутья не шли в глубь, мужчины матерились, но продолжали свою непонятную работу.

– Перекур, – сказал незнакомец.

Второй опустился на щебень прямо против Пашкиной амбразуры. Он был молод и очень худой, потный лоб покрывала кирпичная пыль, маленькие глаза были глубоко посажены, зато нос был крупным, будто и не от этого лица. «Носатый» – окрестил его Пашка.

Потянуло табачным дымком. После долгого молчания Носатый произнёс:

– Чёрт его знает, здесь ли ещё рюкзак. Может, его давно умыкнули, ведь столько лет прошло.

– Не-а, куда ему деться. Отец передал чертёж и на словах объяснил подробно. Запрятан он надёжно.

– А тот, который передавал письмо, он ведь знал, где искать.

– Ты думаешь, мой отец или я – дураки? Того «почтальона» давно уже нет в живых, в тот же день ему пришёл карачун, как мы его расспросили.

– Ну, тогда – да, – согласился Носатый, – надо искать.

Опять наступила тишина. У Пашки затекли ноги, но он боялся пошевелиться. Теперь он точно знал, что незнакомец и Носатый ищут клад. Его испугали слова об убийстве, но тут он вспомнил о своём ТТ. «Полезут – буду стрелять», – решил он. Пашка всегда был не робкого десятка.

Вскоре преступники поднялись, затушили плевком окурки и положили их в карманы.

«Табак экономят или не хотят следы оставлять? Экономят, какие тут следы», – решил Пашка.

Сам он не курил, но запах махорки любил и даже понимал курящих, готовых за самокрутку отдать последнее.

Носатый и незнакомец скрылись в развалинах, их шаги вскоре затихли, но удары железных прутьев ещё долго разносились по пустырю.

На уроках Пашка скучал, объяснения учительницы слушал вполуха. Зато на переменах активно участвовал во всех нехитрых играх: в пёрышки, в пристенок, а ещё в зоску, или лямбду. Из-за этой лямбды Пашка однажды серьёзно пострадал. Для игры необходима свинцовая пуговица, которую пришивали к меховому кусочку с длинным ворсом. Когда лямбду подбрасывали внутренней частью стопы, она опускалась, как парашютик, и можно было поднимать её ногой вновь и вновь. Пашка подбрасывал её до двухсот раз, и этого обычно хватало для победы. Как видим, игра простая и подходящая для перемены, надо лишь где-то достать свинец для лямбды. Пацаны добывали его где придётся. Однажды на стрелке, где поезда обычно замедляли ход, Пашка прицепился к вагону и заскочил в тамбур. Он часто так катался на товарняках. Вскоре эшелон остановился, и Пашка соскочил на землю. На двери вагона он заметил прекрасную свинцовую пломбу. Недолго думая, он срезал её перочинным ножиком, но тут же был схвачен за шиворот сопровождавшим эшелон охранником. В линейном отделении милиции составили протокол о нарушении пломбирования вагона, Пашкиному отцу пришлось пережить пару неприятных вызовов в милицию. Это серьёзно отразилось на Пашкиной шкуре.

В пионеры Пашку не приняли, хотя он больше всех в школе собрал вторсырья и даже сдал в макулатуру половину библиотеки соседа, который перенёс её в сарай на время ремонта.

Девчонок Пашка не замечал, но часто, разбежавшись по коридору, напрыгивал сзади на старшеклассниц, вызывая восторг таких же недоумков и гневные отповеди пострадавших. Но с этими развлечениями пришлось завязать. Однажды Пашка напрыгнул на маленькую молоденькую географичку. То, что Пашка вообще родился невезучим, было очевидно. Вскоре его и вовсе чуть не исключили из школы. Правда, в последнем случае его вины не было.

Директором школы был пожилой отставной майор по фамилии Хмель, настоящий солдафон. Порядки в школе были под стать директору. Перед ним трепетали не только ученики, но и многие учителя. Хмель, скорее всего, был контужен на фронте, поэтому подвержен приступам гнева. Часто по пустякам.

Всех учеников – и младших, и старших классов – стригли машинкой наголо, по-солдатски. Машинка была единственной и хранилась у директора. На этот раз оболванивали Пашкин класс, и Пашка проводил ладонью по колючей макушке, когда вошёл Хмель. Осмотрев заваленный клочьями волос пол, он велел Пашке после окончания стрижки подмести класс и принести машинку к нему в кабинет. Закончив уборку, Пашка понёс машинку директору, но того не было, и Пашка оставил злополучную машинку в учительской. На следующее утро Хмель выстроил Пашкин класс в коридоре, поставил перед ним Пашку и спросил:

– Куда ты должен был занести машинку?

– К вам в кабинет, – стал заикаться Пашка.

– А куда ты её отнёс? – продолжал нагнетать обстановку директор.

– В учительскую – испуганно сказал Пашка.

– А если бы её кто-нибудь украл?

Неожиданно затурканный пацан огрызнулся:

– Я ведь не знал, что у нас учительская – проходной двор.

Тут Пашке припомнили всё: и хулиганство, и слабые достижения в учёбе, и... Спасло его от исключения униженное ходатайство отца-инвалида.

Отец

Отец, конечно, по-своему любил Пашку, ведь он был его единственным родным человеком.

Так в нечестные трезвые минуты он сам говорил о сыне. И ещё добавлял, что если бы не проклятая война и его инвалидность, жил бы Пашка теперь припеваючи. Иногда отец плакал, но никогда не жаловался,

хотя каждую ночь мучился от боли в ноге, стонал и кашлял до изнеможения. Днём он играл на баяне, часто выпивал с таким же фронтовиком из дома напротив и вёл с ним нескончаемые военные разговоры. Бил он сына нечасто и только за дело. Семья жила скудно, пенсия у отца была нищенская. Инвалиды, кто мог, все работали – кто сторожем, кто сапожником или дворником, кто торговал на рынке барахлом – не брезговали никаким приработком. Пашкин отец по знакомству устроился на маслозавод – сбивал из клёпки ящики и бочонки – тару под масло и сгущёнку. Работа сдельная, иногда отцу помогал Пашка, посильно, понятно. Мачеха не работала, но временами подряжалась торговать картошкой, луком, другими овощами.

Держали поросят, домашнюю птицу. Словом, выживали, как большинство после войны. Было трудное время. Многие инвалиды не нашли места в жестоком, разрушенном мире. Безногие и безрукие, они нищенствовали на рынках, вокзалах и в поездах, пели «жалостливые» песни. Это было тягостное зрелище, но разорённая страна не могла помочь своим героям.

У Пашкиного отца сохранились, хотя и с ранением, руки-ноги, но, если бы он их потерял, его всё равно представить поющим в поездах за милостыню было невозможно, не тот был человек.

Да, он пил, он плакал, но, как оказалось, плакал он о своей умершей жене, плакал только трезвым. Выпивал из-за невыносимых болей в ноге и груди, где у него остались осколки мины, мучившие его с 43-го года. Никто не видел, чтобы он поднял руку на свою вторую жену, он не сквернословил и умел любой конфликт уладить миром. На улице его крепко уважали. Пашка гордился отцом, но как было бы хорошо им вдвоём, без мачехи!

Предзимье

После школы Пашка почти каждый день направлялся в своё тайное убежище, хотя теперь был осторожен, опасаясь встречи с

преступниками. В то же время тайна «клада» ни на минуту не оставляла его мыслей. Он по примеру Незнакомца и Носатого обследовал с помощью ржавого арматурного прута почти весь пустырь, но кроме пробитой солдатской каски ничего не нашёл. Не встретил он и тех, кто вызывал его страх и любопытство. Они как в воду канули. Пашке оставалось только вернуться к воображаемым подвигам, чему способствовало обладание оружием.

В один холодный вечер всё изменилось. Снег ещё не выпал, но щебень покрылся изморозью, на которой чётко выделялись следы. И не только Пашкины. Две цепочки следов то сближались, то расходились. Рядом с ними темнели перевёрнутые камни, разрытый щебень. Пашка затаился за остатками стены. «Вернулись», – понял он. «Гостей» на пустыре он не обнаружил, но понял, что они ничего не нашли и, значит, придут снова. И могут обнаружить его логово. Он решил передвинуться поближе к стене: во-первых, преступники всё там уже прочесали на несколько рядов, во-вторых, под стеной было легче утеплить убежище. Хотя уже стало холодно, Пашке жалко было до наступления настоящих морозов остаться без своей норы. За полсубботы и воскресенье он сделал и замаскировал ещё лучшее логово: ветошь сохранила Пашкино тепло, да и ноги можно было не подгибать. Солнце высушило разрытый щебень, и заметить перемены стало почти невозможно. «Вот это здорово!» – определил Пашка. Всё же один кирпич давил на его спину. Пацан раздвинул куски ветоши и потянул за край кирпича. В оставшейся выемке Пашка увидел брезентовую лямку. Он дёрнул за неё, вытянул под себя звякнувший металлом солдатский ранец. Конечно, это не мог быть клад. Но Пашка не очень огорчился. Ведь ясно – он нашёл то, что так долго и настойчиво искали преступники. Ранец был полусгнивший и грязный, и Пашка засыпал его щебнем, выбрался наружу и помчался домой, где у отца был брезентовый мешок для инструмента. Через 10 минут Пашка перекаладывал рваный ранец вместе с его содер-

жимым, горловина мешка никак не хотела пропускать ранец, руки пацана дрожали от возбуждения и страха, что его могут увидеть и отнять у него что-то очень тайное и важное. Правда, у него за ремнём спрятан ТТ, и уж это кое-что значит! Но ничего не случилось.

***

Почти пять лет назад в ветреную февральскую ночь с боем прорывался из окружения 390-й стрелковый полк. Часть понесла тяжёлые потери, были убиты многие офицеры, в том числе командир и комиссар полка. Изнурённые боями в окружении, голодные, почти безоружные бойцы вложили в прорыв невероятную волю и отвагу – из окружения вышло около 200 человек.

Но вышли они без Знамени полка. Это выяснилось через час после перехода линии фронта.

К этому времени раненых и больных успели отправить в тыл, поэтому, чекисты не смогли опросить всех об обстоятельствах утери Знамени. А утром началась наша войсковая операция.

По Уставу полк за утерю символа части подлежал расформированию.

В течение нескольких лет судьба Знамени оставалась нераскрытой.

Ранец

Дома Пашка наткнулся на отца, пришлось ему всё рассказать. Отец был обижен, что сын не доверился ему и ввязался в какую-то опасную историю. Ведь дело явно пахло криминалом. Поэтому было решено передать находку в милицию.

В ранце было несколько вещей, обычных для солдатского мешка: размокшая пачка махорки, стянутые шнурком письма, обмылок, алюминиевая ложка, ржавая бритва, истлевшие куски материи, вероятно, портянки. Когда их развернули, обнаружили золотые кисти шёлкового полотнища, Знамени 390-го полка. Майор милиции трясушимися от волнения руками развернул полотнище, в нём была завернута плоская

немецкая баклажка. Когда с помощью ножа открыли крышку, на стол выпали несколько медалей «За боевые заслуги» и «За отвагу» и бланки удостоверений к ним. Майор сразу предположил, что Знамя и медали попали в ранец из полкового сейфа, где им полагалось храниться. Для порядка был составлен протокол с переписью обнаруженного. Затем майор позвонил в отдел НКВД и сообщил о находке. Отпуская Пашку и его отца, в милиции предупредили о необходимости сохранить всё в тайне – ведь надо было не спугнуть преступников.

В отделе НКВД

На следующий день Пашку и его отца вызвали в районный отдел НКВД.

Лейтенант долго и подробно расспрашивал то Пашку, то отца, добываясь точности показаний в таких мелочах, которые вначале ускользали от их внимания. Он особенно интересовался внешностью и одеждой Незнакомца и Носатого, временем, когда их видел Пашка. После многочасовых вопросов лейтенант повёз Пашку к его убежищу, там тоже был составлен протокол и сделаны фотографии. Никаких новых следов на пустыре найдено не было, хотя чекисты очень тщательно всё осмотрели. Пашка не раз порывался спросить, что же за люди эти двое преступников, и почему они так настойчиво искали на пустыре солдатский ранец. Лейтенант скупно обронил: «Похоже, они заблуждались», но Пашка его не понял.

Пашка не очень переживал по поводу пропусков в школе, хотя язык у него здорово чесался: кто ещё в школе мог похвалиться такими приключениями. Ходить на пустырь ему строго-настрого запретили. Но ему надо было забрать из тайника ТТ. Вечером, уже в темноте, он прокрался к остаткам забора, просунул руку в щель у основания столба... Пистолета не было! Пашкино горе нельзя описать – он потерял не пистолет, а боевого друга.

Утром за ним пришли из НКВД. У лейтенанта на столе лежал Пашкин ТТ. Был бы Пашка постарше, загремел бы в колонию.

А может, и нет – ведь он помог чекистам выйти на крупных преступников. А что они крупные, Пашка услышал из разговора лейтенанта по телефону: «Так точно, товарищ генерал, всё сделаем, но преступников не упустим!» Ясно, что генерал по мелочам не звонит.

Отцу сделали серьёзное внушение о необходимости внимания к занятиям сына, но для Пашки это почему-то прошло без последствий; похоже, отец стал гордиться сыном. Пашка вернулся в школу и даже стал прилежнее учиться. У него была тайна, и он не мог оставаться прежним беззаботным и несерьёзным пацаном!

Прошёл месяц, и Пашку с отцом вновь вызвали в отдел НКВД. В большом светлом кабинете им обоим пожал руки пожилой незнакомый майор. Затем в кабинет ввели Носатого – проводили опознание. Пашка подтвердил, что видел этого человека с Незнакомцем. Носатого вывели, и тут же два конвоира ввели Незнакомца. Он с ненавистью скользнул взглядом по Пашке, видно, уже знал, кому обязан арестом. Пашке его ненависть была до лампочки, он подробно и точно изложил всё, что знал. Преступника увели. В кабинет вошли несколько сотрудников НКВД, а также почему-то директор и классный руководитель из Пашкиной школы. В торжественной обстановке Пашке вручили грамоту за помощь в обезвреживании опасных преступников. На следующее утро в школе состоялась торжественная линейка, посвящённая Пашке. Ему рукоплескала вся школа, все удивлялись, что обычный мальчишка выследил опасных бандитов и нашёл полковое Знамя. У Пашки появились друзья, он очень изменился за последнее время и даже как будто повзрослел.

Послесловие

Командир полка был смертельно ранен. Умирая, он отдал ключ от полкового сейфа рядовому солдату с приказом уничтожить документы и спасти Знамя полка. Солдат сжёг полковые бумаги и при этом был ра-

нен. Похоже, на огонь выстрелил снайпер. Знамя солдат завернул в ткань, опасаясь запачкать его кровью. Теряя сознание, боец прикопал ранец кирпичами и щебнем и постарался запомнить место. Выйдя с помощью товарищей из окружения, он в бессознательном состоянии был эвакуирован в госпиталь. Там по памяти он составил схему местности. Ранение было тяжёлым, прошло много времени. Конечно, солдат понимал огромную ценность Знамени, но, может, не хотел утратить дорогих ему писем умершей жены или боялся, что его, если не найдут ранец, накажут за потерю Знамени. Солдат через оказию поручил решить вопрос тому,

в ком был уверен, – своему отцу. О том, что отец солдата и «почтальон» были убиты, читатель уже знает. Преступники ошибались, считая, что меры предосторожности, с которыми передавалась записка солдата, может быть связана с большими ценностями. Конечно, святое для солдата Знамя для них ничего не стоило. Следствием были установлены родственники Незнакомца (продолжим так называть преступника), участвовавшие в убийствах отца спасителя Знамени и солдата-«почтальона». Преступники были сурово наказаны.

Следы солдата после госпиталя затерялись на дорогах Великой войны.

Фрагмент скульптурной группы на партизанскую тему на площади Якуба Коласа, г. Минск.

Автор фото – Влад Веклич, г. Волгодонск.